

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от 17 августа
1977 г.

г. Москва

Театр

ПОМНИ: ЭТО ПРАВДА, ЭТО БЫЛО

ЗНАЕТЕ ли вы, что такое ТЮЗ? Это театр, куда приходит особый зритель. То есть «приходит» — сказано не совсем точно. Чаще его приводят. В Харькове, к примеру, разработан график, по которому каждая школа в такой-то день обязана доставить ТЮЗу зное число своих питомцев на предмет приобщения к чуду театра.

Свершается ли это приобщение в соответствии с графиком? Увы, не всегда. Юный зритель существенно отличается от зрителя взрослого. Когда ему скучно, он не скрывает скуки, зато, когда он увлечен спектаклем, он так живо сопереживает героям, что взрослые, попавшие в театр, как бы оказываются сразу на двух представлениях — на сцене и вокруг себя.

Что же сделать, чтобы из дежурного мероприятия, в какое подчас превращается посещение театра, оно всегда было для ребят праздником? Выпускник Щукинского училища Александр Беляцкий, в начале минувшего сезона ставший главным режиссером Харьковского ТЮЗа, приступая к исполнению нелегкой своей должности, именно этим вопросом был озабочен более всего. Человек в ТЮЗе не новый (до этого 16 лет был актером), он понимал, что для начала надо найти пьесу.

Легко сказать — найти. Беляцкий нашел. Нашел пьесу, сама история которой заслуживает отдельного рассказа.

Несколько лет назад в ЦК ВЛКСМ пришел пожилой человек. Представился: Петр Николаевич Новиков. И положил на стол пачку писем. Когда-то молодому харьковскому рабочему (запомним — харьковскому) Петру, Петрусу, Петрушке Новикову их написал Николай Островский. Написал в конце двадцатых годов, в самые тяжкие для себя времена. Новиков сохранил письма — все до единого. И вот эти поразительные документы почти полвека спустя увидел другой писатель — Альберт Лиханов.

Потрясенный страстью, силой духа, неколебимостью веры, которыми поражала каждая строчка, А. Лиханов в соавторстве с Кировским литератором И. Шуром написал пьесу. Она так и называлась «Письма к другу». Ее поставил Кировский ТЮЗ — спектакль получил премию Ленинского комсомола.

Вот эту пьесу и выбрал Александр Беляцкий для первой самостоятельной постановки. Он понимал, что в Харькове, где поныне живет и здравствует тот самый адресат Островского — Петр Николаевич Новиков, пьеса должна обрести новое звучание. И — не ошибся. Голос живого Новикова, на редкость естественно отвечающего на вопросы актеров, которым предстояло

играть его молодость, близких ему людей, придать происходящему на сцене особую достоверность. Говорит человек, для которого Островский — не только символ героической эпохи и автор знаменитого романа, а живой человек из плоти и крови, человек, чьи страдания до сих пор причиняют боль, воспринимаются как собственные. Человек, которому посылал, открывая от себя, двадцать пять карбованцев, которого ободрял и поддерживал. Присутствие Новикова в спектакле создает его реалистический план. «Помни: это правда, это было».

И вот из этой достоверности вырастает романтическая баллада о мальчиках в буденовках и девочках в косынках, о негасимом огне идеального, о бессмертном, неодолимом человеческом духе, о жизни, которая дается только один раз. Эти мальчики в красных буденовках и девочки в красных косынках составляют хор, они поют, они разыгрывают диалоги, возникающие в удивительно напряженных, динамичных письмах. Один из этих мальчиков — Николай Островский. Одна из этих девочек — его будущая жена Рая. Другая накинывает на плечи шаль, и мы видим мать Николая. Сменяет буденовку видавший виды картуз — и перед нами Раин отец. Надевают страшные маски, и вот они обступают Николая и Раю — воплощение всего, что ненавидит он и уже начинает ненавидеть она.

Авторы спектакля не оплакивают Островского. Всесильный дух героя — вот что показывает театр. «Я совершенно здоровый парень», — пишет Островский Новикову. И молодой обаятельный актер Александр Ермаков играет этого совершенно здорового парня — самого зоркого среди зрячих, самого быстрого среди ходячих, самого озорного, самого горящего и самого нынешнего.

И вопросы, которые ему приходится решать для себя и для людей, тоже самые близкие, самые нынешние. Вот его спрашивают: кто тебе велел? Зачем ты лез? И он отвечает одним коротким словом: «Совесть». Или пробирается в письме фраза: «Я понял, как ничтожны наши заботы о вещах». Она звучит лишь однажды, а молодой зал вслушивается, вдумывается, вникает, сравнивает.

Вот так и образуется то единое дыхание, на котором идет этот спектакль. Спектакль о том, как любят и как дружат, как вступают в бой с обывательскими представлениями о человеческом счастье и как отвечают на важнейший вопрос: для чего живет настоящий коммунист? И все это без назойливой дидактики, потому что к уму молодого зрителя театр идет через его

чувство, через живой отклик.

Его вызывают не только волнующие тексты писем, но и очень, на мой взгляд, удачные песни В. Иванова на тексты З. Сагалова, легко запоминающиеся, естественно перекидывающие мост от мальчиков в буденовках и девочек в косынках к мальчикам и девочкам в джинсах, заполнившим зал. Надо видеть и слышать, как дружно откликаются они на вопрос, обращенный прямо к ним: «А вы «Овод» читали?» Как они подхватывают «Интернационал».

Нет, я несколько не удивилась, когда заведующая педагогической частью театра Л. И. Рошупкина рассказала мне, что она замечает в зале ребят, которые пришли на спектакль в четвертый раз. В театре она недавно, ранее работала в районе, много занималась «трудными», знает их в лицо, и вот теперь душа радуется: пришел парень на спектакль (сам ведь — никто не привел), и не раз, не два. Значит, влечет что-то. Что же?

Скорее всего то, что каждый зритель этого спектакля не просто смотрит и слушает. Он непременно участвует, проходя героический путь от Овода к Островскому, от Островского к Корчагину, от Корчагина к Матросову, от Матросова к самому себе. Проходит, следуя сильно действующему примеру мужества, одержимости. И тогда зритель, осязаемой становится простая мысль одной из песен о том, что «однажды человек приходит в мир, однажды падает от пули, и между этими двумя однажды проходит жизнь, короткая, как выстрел». Зал слушает эту балладу о жизни, которая дается лишь однажды, и буквально на глазах вырастает, постигая истину — одну для всех.

Мне рассказывали, что как-то на спектакль «Письма к другу» пришли два восьмых класса. В этот день ребят приняли в комсомол. После спектакля им должны были вручать билеты. И стихийно, как-то само собой вышло так, что эти билеты вручал не только Петр Николаевич Новиков, но и не успевший разгримироваться и переодеться Саша Ермаков — Николай Островский. И в этом высоком действе не было ни фальши, ни натяжки, ни игры. Было то самое, о чем только что, завершая спектакль, пели мальчики в буденовках и девочки в косынках со сцены...

Вот такой получился у харьковчан спектакль о дне нынешнем и днях, которые не померкнут никогда. О днях, которые останутся не только как сказка и как манящие огни, но как завет грядущим поколениям, нетускнеющий пример потомству. Спектакль суровый и высокий.

И. ОВЧИННИКОВА.